

Остров "Лад" в океане разлада

Размышления после театрального разъезда

ПОНАЧАЛУ слово "лад", часто мелькавшее на втором канале, выглядело вызовом бурно-перестроенному времени. Да какой там лад, то есть мир, любовь, согласие, когда все вокруг рушится? Но постепенно зрители стали понимать: хоть и названо творческое объединение РТВ не без претензий, но передачи делает хорошие. А уж если что и способно привнести лад в наш будничны сумбур, то это истинные культура и искусство, о которых столь бережно рассказывали создатели оригинальных, многообразных программ.

Сейчас лада в жизни еще меньше, чем прежде, но и на РТВ его осталось совсем немного. Впрочем, политика, экономика, спонсоры, реклама теснят художественное вещание не только на втором, но и на остальных каналах. Обо всех этих и многих других проблемах мы беседуем сегодня с ведущей программ творческого объединения "Лад" Российской телерадиовещания **Екатериной АНДРОНИКОВОЙ**.

— Катя, каким образом вас, профессиональную балерину, угораздило заняться телевизионной журналистикой?

— После окончания хореографического училища я пять лет проработала в Большом театре. Из балета ушла по многим причинам, среди которых не последняя — боязнь остаться в 38 лет (пенсионный возраст балерины) не у дел, без профессии. Выбрала факультет журналистики — хотела уйти как можно дальше от театра. Вначале было невероятно трудно. Я поступила в университет в 24 года, общего образования после училища фактически не было, на лекциях уставала чудовищно, материал воспринимала плохо — я ведь привыкла работать ногами, а не руками и головой. Но к третьему курсу полегчало. После университета пришла работать на первый канал в литдраму, затем, когда сформировалось Российское телевидение, вместе со многими коллегами перешла в организованное нами творческое объединение "Лад".

— Поскольку рубрика, в которой идут ваши передачи, весьма аморфна — "Театральный разъезд", то хочу уточнить: вы ведь занимаетесь не только театром, но и музыкой, и балетом?

— Да, верно. И все эти виды искусств мне в равной степени дороги.

— А как происходит отбор сюжетов, тем, персонажей для программы в условиях полной творческой свободы, которую мы якобы обрели в последние годы?

— Знаете ли, это грустный разговор,

стоит ли нам его вообще затевать? Да, свободу выбора мы, конечно, получили. Рухнула система запретов, система цензуры, контроль над каждым словом. Но и сегодня ненамного легче. Когда объединение "Лад" сформировалось, оно было, пожалуй, одним из ведущих на российском канале: нам предоставлялась зеленая улица, времени в эфире столько, сколько каждому требовалось. Теперь же все по-другому. Художественное вещание катастрофически сокращается. Теперь уже весь "Лад" — а это и театр, и литература, и музыка, и изобразительное искусство, и прочее, и прочее — занимает два с половиной часа в месяц эфирного времени, а с нового года, вероятно, еще сильно сократится. Какая уж тут творческая свобода!

— Мода такая, видимо, пошла на нарезки — вот недавно округа предвыборные нарезали, теперь — искусство...

— Конечно, время требует своего. Нужны новые формы подачи материала, но ведь это не означает полного разрушения и стилистически, и смысловое уже сложившихся передач.

— Действительно, Катя, давайте не будем о грустном — судьбу художественного вещания мы уж точно не решим. Имеет смысл поговорить о том, что сделано вами на телевидении. А сделано, я знаю, немало. Что по гамбургскому счету, по тому, который Виктор Шкловский предъявлял к литературе, вами оценивается наиболее высоко?

— Вопрос не из легких. Оценивать себя, особенно по гамбургскому счету, трудно, сделано и правда много, всего даже не упомянешь. Наверное, я бы первым делом отметила цикл передач о Товстоногове и его театре, передачи о Владимире Васильеве, Софье Пилевской, Игоре Моисееве, Евгении Колобове, Андрее Тарковском. Назову и те программы, которые еще предстоит увидеть зрителям, — о Ревазе Габриадзе, о конкурсе балета в Лозанне.

— Вас, как мне показалось, больше интересуют люди, которые, по меткому замечанию Вяземского, "ретировались в свои внутренние покои". В подтексте — не близость смерти, а высшая мудрость в осмыслении прожитого. То есть вас привлекают скорее люди финиша, нежели старта, верно?

— Да, такие люди мне безумно интересны, хотя я ни в коей мере не согласна с тем, что это люди финиша. Они, как никто иной, устремлены в будущее. Они несли и продолжают нести в себе феноменальную культуру.

— Нет ли здесь еще одной причины — может быть, они напоминают вам об отце, Ираклии Луарсавиче Андроникове?

— И этот мотив тоже присутствует. Со многими из моих героев он был дружен,

люди эти бывали у нас в доме, и я их знаю с детства. Но это, разумеется, не главное обстоятельство. Меня привлекает уникальность, неповторимость и Пилевской, и Моисеева, и Лакшина, безвременно ушедшего от нас, человека в моем представлении совершенно молодого, легкого, обаятельного, умеющего радоваться жизни. Такие люди связывают времена, а для меня очень важно понятие преемственности культуры.

— А как все-таки насчет тех, кто стартует?

— Дебютанты, не скрою, действительно меня меньше волнуют. Впрочем, мои программы о балетных конкурсах посвящены именно им.

— Вам, стало быть, интересны уже сложившиеся, творцы. Мастера. Но именно эти люди чрезвычайно сложны и для общения, и для анализа. Я понимаю, что телевидение — не тот род искусств, где доминируют тончайшие психологические нюансировки, но тем не менее что вы в первую очередь стремитесь раскрыть и понять в своих героях?

— Вы, наверное, правы: эфир ни по ограниченности времени, ни по самой своей сути не располагает к каким-то невероятным глубинам в постижении материала. Поэтому моя задача скромнее. Человек, о котором я делаю передачу, интересен мне сам по себе, то есть не только как творец, но и как личность. И если этот человек на экране органичен, если хоть как-то удалось "выхватить" его из жизни, показать таким, каков он есть, считаю, что это не так уж мало.

— Любый портрет — а многие ваши передачи именно таковы — одновременно, хотите вы того или не хотите, и автопортрет. Каким он вам видится?

— Знаете, я не придаю своей персоне в передаче особого значения, потому что понимаю — не я здесь главная. Меня совершенно не интересует, как буду выглядеть перед камерой, как появлюсь перед публикой — в фас или в профиль, и появлюсь ли вообще.

— Я имела в виду суть автопортрета, а не его внешний абрис.

— Понимаю, но о сути, полагаю, уже сказала выше. Самое важное для меня — эффект настоящего общения, важно не столько слово произнесенное, сколько воздух, аура общения моего с персонажем. Там, где этот эффект достигнут, на мой взгляд, там и хорош мой автопортрет.

— Мне кажется, многие ваши герои разделяют кардинальную мысль Сальери, вполне реабилитированную временем: "Ремесло поставил я подножием к искусству". Вам же интересен процесс ремесла, процесс созидания Мастера или некий результат?

— Конечно, процесс. Это, кстати, касается не только тех, о ком я рассказываю,

но и моей работы. Для меня всегда процесс важнее результата. Я болею передачей, на месяц-полтора, столько, сколько идет съемка, монтаж, "выключаюсь" из жизни. Может быть, это желание переплодиться, погрузиться в материал осталось у меня от театра. И когда мне удается хоть чуть-чуть прикоснуться к таинству рождения звука, образа, когда я снимаю изо дня в день репетиции дирижера Колобова, или показать, как перед выходом на сцену за несколько дней до выпуска балета "Золушка", волнуется Владимир Васильев, как он гримируется перед камерой, — я счастлива. И особенно ценю те мгновения, когда удается приоткрыть что-то новое в известном человеке, заглянуть в какой-то еще неизведанный уголок его души. Так, мне кажется, произошло в передаче о Ревазе Габриадзе. Думаю, перед зрителем предстанет неожиданный — парадоксальный, мудрый и в то же время сохранивший остроту и непредвзятость восприятия мира Резо Габриадзе.

— В ваших передачах есть стиль, своя интонация, есть аура интеллигентности, я бы даже сказала — изысканности. В то же время их эстетика достаточно традиционна. Более того, вы как бы сами, мне показалось, декларируете традиционность — взять хотя бы такую мелкую деталь, как допотопный микрофон, который вы держите в руке. Я права?

— Что касается микрофона — уж точно не правы. Я всегда действую по ситуации. Иногда просто не бывает времени прицепить к лацкану маленькую петличку, и тогда пользуюсь динамическим микрофоном. Вряд ли из этого можно делать выводы о традиционности.

— Это, повторю, всего лишь одна из деталей. В ваших передачах я не ощущаю поиска новых художественных средств, тех, что имеются в распоряжении современного телевидения. Вы ведете передачи телеязыком, который давно и хорошо освоен зрителями.

— Не могу с вами согласиться. Всему свое время и место. Если я вдруг в передаче о Пилевской, скажем, вмонтирую клип, согласится, это будет выглядеть по меньшей мере странно. Вот сейчас, готовя программу о конкурсе Евровидения, я предприняла попытку использовать новые изобразительные средства. Но терпеть не могу нарочитость, да и само телевидение очень органично. И, кроме того, не забывайте, телевидение — пока еще искусство коллективное. Я ведь работаю с режиссером и не всегда могу диктовать ему правила игры.

— Значит, несомненная, на мой

взгляд, удача вашей передачи о Тарковском "Ностальгия по Андрею" принадлежит скорее режиссеру, чем вам? Она сделана подчеркнуто в стилистике самого Тарковского, когда жест, интонация, звук значат гораздо больше слова. Здесь каждое лыко в строку и все, особенно видеоряд, свидетельствует о несомненном вкусе создателей программы.

— Я думаю, то, о чем вы говорите, — в немалой степени заслуга замечательного режиссера Андрея Торстенсена. Но мне хотелось бы назвать и других режиссеров, с которыми приходилось работать и к которым испытываю чувство благодарности: Ольга Кознова, Галина Самойлова, Владимир Загоруйко, Лев Бродский.

— Хочу возразить вам. Мне-то как раз кажется, что сейчас телевидение тяготеет не столько к коллективности, сколько к персонализации. А разве в вашем арсенале нет программ, которые вы сами делали бы "от" и "до"?

— Вот в последнее время появились. Я сама подготовила программу о Габриадзе, о конкурсе Евровидения в Лозанне. Но когда их увидят зрители, не знаю.

— У вас вообще работа, как я полагаю, неблагоприятная. Никаких тебе рейтингов, восклицательных знаков в прессе, портретов на обложках журналов. Напишут в программе скупое: "Театральный разъезд" или "Мастера" — поди разберись, кто скрывается под этими вывесками. А ведь у вас в "Ладе", наверное, коллектив немалый и каждый в той или иной степени индивидуальность. Да и коллеги по цеху, я имею в виду театральных критиков, нечасто балуют вас вниманием, высокомерно относятся к театру скорее всего отнюдь не к самым важным событиям сезона. Обидно?

— Да, не скрою, подчас обидно. Хотя дело не в обиде, а в стремлении понять, чего ты стоишь, как тебя оценивают профессионалы. Мы этого действительно не чувствуем. Зато мы ощущаем внимание зрителей. Вот недавно получила письмо от одной женщины. Я была весьма тронута тем, что она заметила мое отсутствие в эфире.

— А что, это отсутствие было столь заметным?

— Да, где-то около полугода я не выходила на экран со своими передачами. Сетка вещания составлена хаотично, любые программы, особенно политические и экономические, всегда идут за счет искусства. Все это, разумеется, не стимулирует творческую энергию. Да дело не только во мне: Тут другое важно. Если я, скажем, передачу о конкурсе балета в Лозанне, которая по всему миру ввиду престижности зрелища идет в живом эфире, снимаю в июне, а она выходит на экраны ближе к зиме, о каком же эффекте присутствия, о сопричастности, которыми я дорожу в репортажных материалах, можно говорить?

— Но ведь даже столь любимые ныне спонсоры — банкиры, предприниматели, бизнесмены — все чаще говорят о том, что всех нас может спасти только подлинная культура, а именно ее и несли ваши передачи. К тому же уже и песси-

мисты перестали стенать: "Театр умер, искусство умерло, культура умирает". Люди, устав от "мыла", возвращаются в театр. То есть возвращаются туда, откуда уходит самое массовое из искусств — телевидение?

— Это вопросы не ко мне. Канал ведь один, он не резиновый. Я даже как бы понимаю проблемы начальства. Одна только "Деловая Россия" занимает несколько часов вещания, затем бесконечные сериалы, затем еще более бесконечные игры, развлекательные "развлекухи". Причем, заметьте, существует такой парадокс. Когда у телевидения был один начальник (поверьте, я отнюдь не идеализирую те времена), каналы тщательно координировали свои программы. Понимаю, насколько нереально и даже абсурдно сегодня такое требование, но иногда щелкаешь целый вечер кнопкой пульта, а по всем каналам все то же самое — поют, танцуют, играют.

Мне могут возразить: что же поделаешь, если сегодня именно это нравится зрителю. Да зрителю нравится то, к чему он привыкает. Кормите его только хорошими художественными программами, и многие с удовольствием переключаются на них. Телевидение, на мой взгляд, должно заниматься прививкой хорошего вкуса, а не плохого. Да, сейчас вообще не принято говорить о воспитании. Приведу другой аргумент. На концерты рок-музыкантов, несомненно, приходит гораздо больше людей, чем на концерты в консерваторию. Но это не означает, что консерваторию следует немедленно закрыть. К счастью, подобное новшество пока еще никому не пришло в голову.

— Может, не стоит подавать такие идеи?

— Может, и не стоит. Но ведь и художественное вещание, которым мы всегда по праву гордились, уникально. Именно в этой сфере у вашего телевидения сложился свой неповторимый образ. Так зачем же разрушать то малое, что у нас пока еще осталось?

— Я надеюсь, Катя, эти печальные размышления, от которых мы все-таки никуда не можем уйти, не мешают вам сейчас работать над очередной программой.

— Я не позволяю себе окончательно впасть в уныние. На днях уезжаю в Санкт-Петербург снимать передачу о Кирилле Лаврове. И, предвосхищая ваш, видимо, вопрос, скажу: у передачи уже есть точно определенное время в эфире.

— А спонсора найти слабо? Тогда бы, вероятно, вообще подобные вопросы не возникали?

— Да, это уж точно слабо. Такие вещи я никогда не умела и прежде делать. А теперь уж поздно учиться. Но работу буду продолжать — независимо от сеток вещания, конкуренции истинной или мнимой, спонсоров, рекламы и т. д., и т. п. Буду просто потому, что не могу жить иначе. А там, глядишь, и дело пойдет на лад. Тогда и наш "Лад" восторжествует.

Беседу вел
С. ИВАНОВА